

Дмитрий КОМАРОВ

ИЗУМРУДНАЯ ПОЛОСА

СЛУЧАЙНАЯ НАХОДКА
УРАЛЬСКИЕ ИЗУМРУДЫ

1830-1831

Издатель и автор-составитель
индивидуальный предприниматель Д.М. КОМАРОВ.
Все права защищены.

Исключительно для личного использования.
Заимствование текстовых материалов (за исключением цитат)
возможно только с обязательной ссылкой на книгу и ее автора.

Использование современных иллюстраций и фотографий
допускается с указанием инициалов и фамилии автора
(старинных – без такового).

Любое тиражирование и распространение
(как в электронном, так и в печатном виде)
ЗАПРЕЩЕНО.

Настоящая электронная версия книги
РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ БЕСПЛАТНО
только через сетевые ресурсы автора Д.М. КОМАРОВА
(в том числе, информационный канал “Изумрудный край”)
По вопросам сотрудничества обращаться: izkray@internet.ru

“Небольшая плоскость, на которой найден изумруд, окружена на обширное пространство местами низменными и болотистыми, омываемыми двумя речками, Большим и Малым Рефтом, впадающими в реку Пышму. Озера Талицкое, Черное, Щучье и другие находятся не в дальнем отсюда расстоянии, по болотистым берегам своим, летом большею частью совершенно неприступны.

Во всей окрестности нет никаких приметных возвышений, никаких естественных обнажений горных пород. Обе реки Рефта, несмотря на быстроту свою, равно и прочие впадающие в них небольшие речки протекают между берегами землистыми, болотистыми и поросшими травой. Все окрестности на большое пространство покрыты густым сосновым лесом, в котором находятся курени Каменского чугунолитейного завода, принадлежащего к Екатеринбургской округе, и на расстоянии от 35 до 45 и более верст во все стороны нет никакого селения, никакого постоянного жилища. По временам только производится командирруемыми горным начальством мастеровыми разработка золотоносных россыпей на реке Шемейке и Старских ключах, впадающих в Большой Рефт...”.

*Корпуса горных инженеров полковник
Иван Иванович ВЕЙЦ,
из доклада в Департамент уделов,
декабрь 1842 года*

ВСТУПЛЕНИЕ. СЛУЧАЙНАЯ НАХОДКА 1830 год ОСЕНЬ У РЕЧКИ ТОКОВОЙ

В 1830 году в забытом Богом уголке Белоярской волости Екатеринбургского уезда Пермской губернии Российской империи трое крестьян занимались традиционным для этих мест лесным промыслом – выкорчевывали пни, собирали самосушник и валежник, чтобы гнать смолу для производства дегтя и скипидара. В этом болотистом краю, где к тому же в те давние годы часто проносились сильные бури, такого сырья было предостаточно...

Мужики ходили по лесу, высматривали поваленные ветром деревья, а также прогнившие пни, корчевали их, если требуется, и доставляли на возвышенное место неподалеку от безымянного болотистого озера – истока незначительной речушки Токовой.

Вдруг один из них, носивший колоритное прозвище Пух, заметил, как в корнях вывороченного ветром дерева что-то неожиданно сверкнуло в лучах солнца. Расчистив корневище, он извлек из него небольшой кристалл...

НАША СПРАВКА ПО ПРОЗВИЩУ ПУХ

Крестьянин Максим Степанович КОЖЕВНИКОВ родился в 1798 году, проживал в деревне Юрзовка или Ерзовка, представлявшей собой выселок деревни Крутиха, которая позже стала частью села Белоярского.

Свое прозвище – Пух – он, скорее всего, получил за соответствующее телосложение.

Находка драгоценных камней у речки Токовой принесла Пуху чуть больше двух сотен рублей (что по тем временам было немало), да годы тяжких трудов в сырых шахтах, где он долго еще работал, надеясь на фарт.

В результате Максим Степанович заболел чахоткой, от чего и умер 6 сентября 1865 года (здесь и далее даты по старому стилю). Похоронен 9 сентября. Запись о смерти первооткрывателя была внесена в церковную книгу 12 сентября 1865 года отцом Сенафоном ПЕТРОВЫМ.

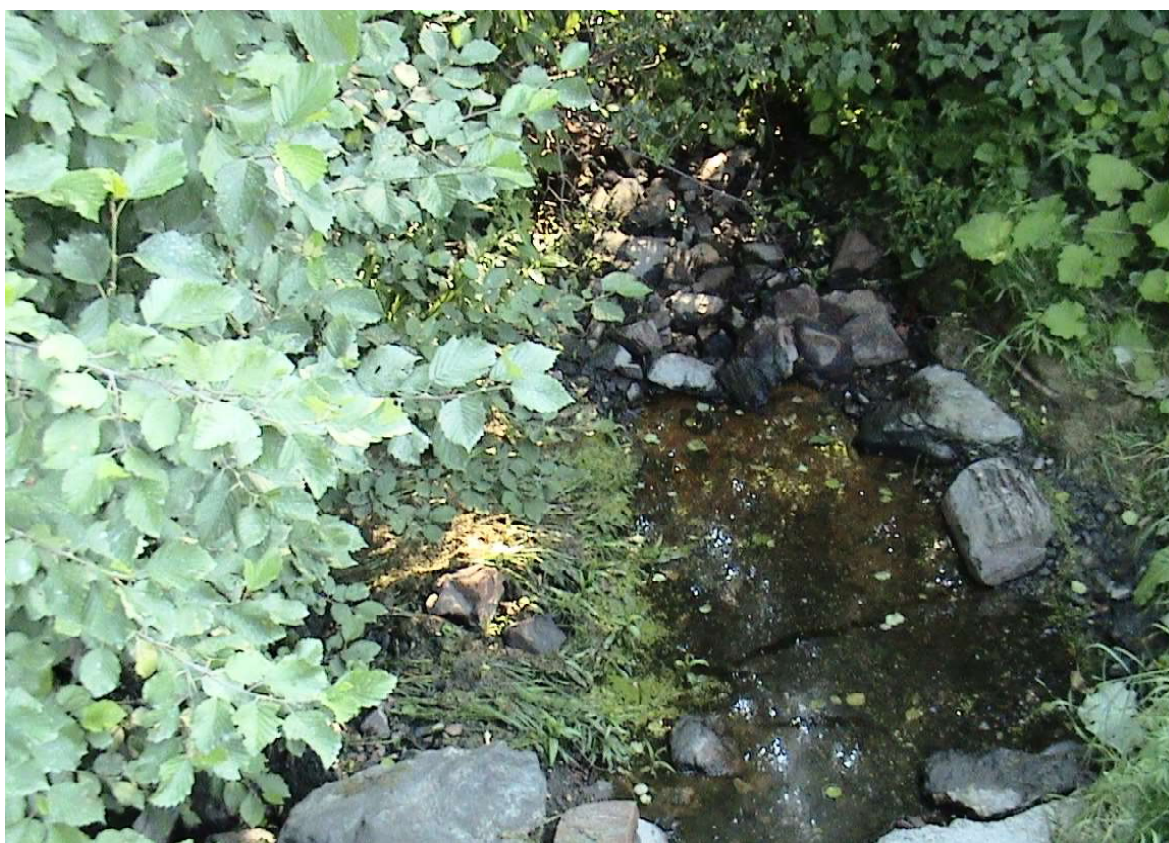
Также известно, что 28 января 1866 года, в возрасте 26 лет, надорвавшись на непосильной работе в шахте, от горячки скончался сын первооткрывателя – Лаврентий, тоже “изумрудоискатель”.

Белоярский краевед А.Ф. КОРОВИН установил, что надгробный памятник первооткрывателю изумрудов был цел еще в начале XX века.

Максим подозревал своих товарищей... Смолокуры посоветовались и пришли к выводу, что камень, видимо, представляет определенную ценность. А потому, тщательно осмотрев место находки, пробили в земле небольшой шурф, покопавшись в котором в течение нескольких дней нашли еще несколько бледно-зеленых кристаллов.

Безымянное озерцо – исток речки Токовой (современный вид)

Речка Токовая (ныне – ручей Сретенский) (современный вид)

Крестьяне решили свернуть все свои работы и при первой же возможности доставить камни в уездный Екатеринбург...

ПОЕЗДКА НА КОПИ

РАССКАЗ ПРОВОДНИКА

В самом начале 80-х годов XIX века место случайной находки посетил с визитом известный екатеринбургский археолог Михаил Викторович МАЛАХОВ.

Его впечатления от путешествия и общения с проводником, перед глазами которого прошла вся история приисков, были опубликованы в 1884 году в Санкт-Петербургском журнале "Еженедельное обозрение", в очерке под заглавием "На Урале. Поездка на Изумрудные копи".

Кроме того, текст очерка попал в книгу М.И. ПЫЛЯЕВА "Драгоценные камни", выдержавшую в XIX веке несколько изданий (именно благодаря этому он и дошел до нас с вами). Отрывки из этой хорошо передающей местный колорит статьи приводятся здесь и далее:

"Ведь поди ж ты – говорил он (проводник – Д.К.), – сколько опреж нас народу жило, а никому было невдомек, что в наших местах сокрываются самоцветные каменя, нужные к цареву дому! Не было тут ни проходу, ни проезду, так вестимо дело, что в трущобе лес не трогали, не до рубки было; иной раз разве буря пройдет да пообчистит, понавалит кой-где, ну лес так и сгноится. Случалось, только редко, если и брали отвод на порубку, то близ Белоярской дороги, али по речке, если сподручно было бревна сплавить.

Уж видно кому что на роду написано: был у нас тут наш белоярский крестьянин Максимко КОЖЕВНИКОВ, почитай десятков пять лет тому назад, коли не запамятовал, так я еще малолетком был; парень дошлый уродился, смотрел все, где как порубка откроется, да пни появятся, он их выкорчевывал, да смолугнал. Как-то зашел Максимко за пнями на правый берег Токовой, что падает в Рефт, да меж корней сушины, вывороченной бурей, напал на струганцы, да самоцветные, как есть тумпасы (струганцы – кристаллы; тумпасы – топазы, здесь в широком смысле – драгоценные камни – Д.К.).

Огаркнул он сотоварищей, показал им самоцветы, подивились они, порылись тут еще, да порешили, что, как поедут в город (так в окрестных волостях называли Екатеринбург – Д.К.); показать их там, а если гожи, то и продать. Так и сделали..."

ОТ АВТОРА

О ВРЕМЕНИ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ НАХОДКИ

Часть источников, повествующих о находке уральских изумрудов, сообщают, что данное событие происходило в 1830 году (некоторые почему-то указывают на декабрь). Другая (кстати, более поздняя) относит находку М.С. КОЖЕВНИКОВА к январю 1831 года.

"В 1830 году крестьянин Белоярской волости Максим КОЖЕВНИКОВ открыл случайно изумруд в 85 верстах от Екатеринбурга в округе тогдашней Березовской лесной дистанции, на площади несколько возвышенной над окрестными болотами; по правую сторону речки Токовой, впадающей в Большой Ревт".

*("Горный журнал" за 1832 год,
книга 3, часть 1, стр. 342)*

"...Изумруды здесь открыты совершенно случайно. В январе 1831 года крестьянин Белоярской волости Максим КОЖЕВНИКОВ, отыскивая по правую сторону р. Токовой в лесу сосновые пни и валежник, годные для извлечения смолы, нашел между корнями вывороченного ветром дерева несколько небольших кристаллов и обломков красивого и прозрачного зеленого камня и показал свою находку бывшим с ним двум товарищам. Все они покопались в корнях и под корнями, и нашли еще несколько таких же кусочков, взяли их с собой в деревню, а потом привезли для продажи в Екатеринбург под именем аквамаринов..."

(Н.К. ЧУПИН "Географический и статистический словарь Пермской губернии", г. Пермь, 1876 год, стр. 517)

Как видим, более ранний источник говорит о 1830 годе, не уточняя месяца. А вот более поздний указывает на январь 1831-го. Какому верить? Скорее всего, Н.К. ЧУПИН – автор более позднего источника – просто путает время находки бледно-зеленых кристаллов с месяцем и годом их признания изумрудами...

Существует, однако, и третье, более современное мнение (В. ОПАРИН и В. СЕМЕНОВ). Его сторонники считают, что Максим КОЖЕВНИКОВ нашел изумруды отнюдь не случайно. Он де занимался хитом – стародавним промыслом уральских крестьян. А для этого сколотил из своих земляков небольшую артель, и с нею вел поиск драгоценных камней. Якобы в этом деле его прикрывал сам командир Императорской Екатеринбургской гранильной фабрики, который напрямую получал найденное, зачастую присваивая себе лавры первооткрывателя.

На мой взгляд, такие выводы лишены основания – стал бы большой начальник из Екатеринбурга, в непосредственном подчинении которого находились сотни людей, искать для такого дела простого крестьянина из какой-то там Белоярской волости?..

Таким образом, рассмотрев все три версии датировки, можно с уверенностью утверждать лишь одно – находка уральских изумрудов произошла, как и сообщал "Горный журнал", в 1830 году.

Следует также отметить, что академик Александр Евгеньевич ФЕРСМАН в начале XX столетия всерьез считал, что крестьяне были не смолокурами, а углежогами. Такое мнение, как говорится, тоже имеет право быть, ибо известно, что первым промыслом окрестных крестьян было снабжение древесным углем соседних заводов (в частности, Монетного и Каменского).

Впрочем, автор данного труда придерживается "классической версии", считая, что крестьяне занимались все же не поиском драгоценных камней и не углежжением, а именно смолокурением. А потому и находка самоцветов произошла случайно. На это еще в XIX веке ясно указывали многие исследователи данной темы.

НАША СПРАВКА

ОСОБЕННОСТИ СМОЛОКУРЕНИЯ

"...В настоящее время организация промысла такова: трое или пятеро смолокуров договариваются весной с кем-нибудь из крупных скупщиков смолы относительно предстоящего сезона смолокурения (сезон тянется в казенных лесах с 15 сентября по 15 апреля). При заключении условия «хозяин» дает артели средства для устройства завода в арендованном им у казны квартале лесной дачи и в течение семи месяцев снабжает их всем необходимым (припасами и прочим).

Тотчас же по окончании полевых работ начинается подготовка материала, корчевание и своз «осмола», подготовка дров для выгонки смолы. Корчевание пней как работа, требующая особой, поистине медвежьей силы, а также специального умения, поручается обыкновенно особым рабочим, которым платится в неделю на хозяйских и притом обильных харчах от 2 до 3 рублей. Облюбовавши известный пень, такой рабочий окапывает и очищает заступом его корни, обрубаёт их и затем выворачивает пень обыкновенным рычагом-ломом.

С Михайлова дня (8 ноября по старому стилю – Д.К.) начинается собственно смолокурение. На высоком берегу реки или просто на возвышенном холме ставится завод, то есть обыкновенный сарай с крышей, двумя сторонами обшитыми досками и двумя открытыми. Внутри него ставится сруб, в котором помещается громадный чугунный котел с печкой, называемой «смольником». Из-под смольника под землей на протяжении 10-20 сажений идут трубы, состоящие из просверленной осины, и выходят к скату холма или берега, где ставится высек-шалаш с деревянным чаном.

При гонке смолы через посредство «куба» место сарая занимает этот «куб» шаровидной формы, выложенный в один кирпич, с камерой, очагом, где разводится огонь, внизу куба и с отверстием для стока смолы по трубам.

Курят обыкновенно по двое: один приготавливает пеньки, другой курит, то есть озабочен непрерывным поддерживанием огня. Гонка смолы идет непрерывно, рабочий спит и ест урывками. Тут же, шагах в двадцати от места работы, устраивается обыкновенно небольшая избушка-«зимница» для помещения смолокура и его рабочих...

...Будут ли выработчики смолы тремя или пятью пайщиками, соединившихся на равных правах, или одним смолокуром, принимающим двух и более рабочих, — в обоих случаях работа происходит на скупщика-«хозяина», на двор которого доставляются все продукты перегонки по мере выработки. Окончательный расчет за все эти продукты производится хозяином попудно лишь весной и по ценам, которые лишь тогда установятся по взаимному соглашению и в зависимости от весьма колеблющихся на смолу цен. Иногда смолокурам, в конце концов, очищаются, за покрытием текущих расходов, лишь весьма незначительная сумма, так что они имеют полное право говорить про свою зимнюю работу: «Сохнешь-сохнешь на работе целую зиму, а из-за чего — сам не знаешь». В среднем, однако, можно считать, что рабочий, получая 1 1/2 — 2 рубля в неделю за зиму на хозяйских харчах, получит 40-60 рублей, а смолокур при хорошем работнике и одной лошади выручит около 100 рублей чистого дохода..."

*"Нижегородская губерния по исследованиям губернского земства"
Выпуск II (Санкт-Петербург, 1896) Глава VI*

ОТ АВТОРА

ШЕСТЬ ВЫВОДОВ ИЗ ВЫШЕСКАЗАННОГО

Размещенный на предыдущей странице текст на 66 лет моложе описываемых нами событий, но в то время технологии народных промыслов с годами почти совсем не менялись, оставаясь одинаковыми независимо от места их проведения. Поэтому приведенная справка дает очень ясное представление не только о смолокурении, которым занимались Максим КОЖЕВНИКОВ со товарищами, но и о других обстоятельствах, предшествующих и сопутствующих находке уральских изумрудов.

Какие же интересные для нас выводы из нее можно сделать?

Во-первых, смолокурными работами занимались артели из трех-пяти человек. Именно это мы видим в истории с удивительной находкой трех белоярских крестьян.

Во-вторых, кто-то из смолокуров (не исключено, что сам Максим КОЖЕВНИКОВ) должен был обладать недюженной силой, требующейся для корчевания пней и самосушника.

В-третьих, белоярская артель из трех человек, по всей видимости, заключила договор с неким «хозяином», арендовавшим участок именно казенного леса (так называемой «дачи»), расположенный между речками Большой Рефт и Токовая.

В-четвертых, сезон сбора «осмола» – сырья для смолокурения – начинался с 15 сентября по старому стилю (в Никитин день), то есть сразу после завершения основных сельскохозяйственных работ, и заканчивался 8 ноября, в Михайлов день.

В те далекие годы люди старались scrupulously следовать установленным религиозной традицией датам. И если сказано, что сбор пней и валежника должен быть закончен с наступлением Михайлова дня, и с этого момента должен начаться собственно процесс вытапливания смолы, то так оно обычно и происходило...

Учитывая это обстоятельство, можно с весьма большой долей уверенности утверждать, что первая находка уральских изумрудов произошла не ранее 15 сентября (дня начала сезона смолокурения) и не позднее 8 ноября (даты окончания сбора сырья-«осмола») по старому стилю, то есть все-таки осенью 1830 года.

В-пятых, сказано, что на самом возвышенном месте (а ведь находка изумрудов произошла именно на таком) строится «завод» для гонки смолы. Причем особенности местности близ речушки Токовой, а если точнее, то ее истока – безымянного болотистого озерца, были вполне подходящими с одной стороны для доставки осмола, а с другой – для устройства «смольника», прокладки под землей осиновых труб и установки на круче «высек-шалаша».

Кроме того, здесь явно имелась еще и небольшая землянка или избушка-«зимница» для размещения самих смолокуров.

В-шестых, смолокурение, если оно производилось на «хозяина», не приносило сколь-либо большой выгоды, поэтому крестьяне, найдя в корнях дерева необычный кристалл, по всей видимости, охотно сменили промысел, и из смолокуров стали старателями – проббили шурф и занялись поиском драгоценных камней...

КАМУШКИ ДЛЯ АПТЕКИ

Итак, привезли крестьяне свои находки в уездный Екатеринбург, да снесли их в аптеку Горного управления уральских заводов, продав камушки по "сходной" цене.

Надо сказать, что в те годы в аптеках, кроме собственно лекарственных снадобий, можно было приобрести буквально все... А заведовал той аптекой Густав Федорович ГЕЛЬМ.

НАША СПРАВКА СЫН ПАСТОРА

ГЕЛЬМ Густав Фридрих (у русских – Федорович) (1781 – 20 мая 1843 года) – аптекарь Горного Управления Екатеринбургских заводов.

Сын пастора лютеранского вероисповедания. Родился и жил в Западной Померании (ныне входит в состав земли Мекленбург-Передняя Померания Федеративной Республики Германии – Д.К.). Учился в гимназии города Штральзунда, а в вольной аптеке города изучал фармацию, химию и ботанику. После учился в Грейфсвальдском университете.

В 1804 году Густав Фридрих ГЕЛЬМ приехал в Российскую Империю.

20 мая 1805 года вступил в службу аптекарем при Императорском посольстве в Китае под начальством посланника графа ГОЛОВНИНА.

С 20 декабря 1805 до 18 февраля 1806 года был в Монголии, в Урге.

С 26 февраля по 20 апреля 1806 года по особому поручению графа ГОЛОВНИНА участвовал вместе с доктором при посольстве действительным статским советником РЕМАНОМ в экспедиции к горячим минеральным водам находящимся около озера Байкал для химического испытания и разложения этих вод. Сделанные химические наблюдения вместе с врачебным описанием РЕМАНА, по повелению правительства напечатаны в книге «Описание Туркинских минеральных вод на Байкале» (Санкт-Петербург, 1808 год).

После возвращения посольства продолжал службу при Московском университете в должности аптекаря (с 20 декабря 1806 года).

С 1807 года – участвует в работе различных научных обществ города Москвы (с 15 февраля – ординарный член Московского общества испытателей природы; с 15 марта – почетный член Московского медико-физического общества).

Имя Г.Ф. ГЕЛЬМА навсегда вписано в историю ботаники. Так 5 февраля 1809 года от общества испытателей природы Московского университета отправлен в разные губернии России «путешествовать по части естественной истории и для собирания трав».

8 января 1810 года Густав Федорович принят в ординарные члены Горенского фитографического общества.

По возвращении из «путешествия», 17 мая 1811 года, был произведен в демонстраторы фармации Московского университета.

В 1812 году собранный ГЕЛЬМОМ обширный гербарий погиб при знаменитом пожаре в Москве (лишь немногие экземпляры уцелели в гербарии ФИШЕРА).

*О значимости исследований ГЕЛЬМА можно судить по тому факту, что в его честь были названы *Arenaria Helmi* Fisch и *Astragalus Helmi* Fisch, а также другие растения.*

По прошению от 2 апреля 1813 года уволен из Московского университета «в разные города российской империи впредь до востребования».

С 1818 года состоит в различных научных обществах (с 30 декабря 1818 года – ординарный член Петербургского фармацевтического общества; с 3 мая 1819 года – корреспондент Петербургского вольного экономического общества; с 20 июня 1819 года – ординарный член Петербургского минералогического общества). Автор ряда статей, опубликованных в журналах этих обществ.

1 мая 1820 года поступил в Екатеринбургскую заводскую аптеку аптекарем с жалованьем 1500 рублей в год. В Екатеринбурге имел деревянный дом на каменном основании.

15 ноября 1824 года произведен в коллежские ассесоры.

В 1825 году, кроме своей основной, аптекарской, деятельности, Густав Федорович, в силу своего места обитания имевший под рукой большие запасы сырья, стал поставщиком хромовой окиси для ситцевой печати. По его утверждению, предложение московского купца ПЕЦА сделало аптекаря пионером в этой области химического производства. Вещество, производимое ГЕЛЬМОМ в его химико-технологической лаборатории, ни в чем не уступало импортным образцам.

В 1828 году ГЕЛЬМ исследовал штыковую медь Богословского завода.

В 1829 году знаменитый немецкий ученый и естествоиспытатель Александр ГУМБОЛЬТ, побывавший в Екатеринбурге, в своем письме к министру Е.Ф. КАНКРИНУ так охарактеризовал Густава Федоровича: «ассессор ГЕЛЬМ относится к самым выдающимся людям, каких мы здесь видели».

О прекрасной минералогической коллекции Густава ГЕЛЬМА, «хорошего химика, ботаника и минералога», восторженно отзывался тот же Александр ГУМБОЛЬДТ. Коллекция эта не была обширна, но зато отличалась действительно ценными с научной точки зрения экземплярами.

С 15 ноября 1829 года Густав Федорович ГЕЛЬМ – коллежский ассесор со старшинством.

С 5 января 1833 года – надворный советник.

22 августа 1838 года он награжден знаком отличия беспорочной службы.

В 1839 году Г.Ф. ГЕЛЬМ составил описание Нижнесергинского минерального источника. В том же году опубликовал в "Горном журнале" статью "Об употреблении хромия".

С 22 февраля по 3 марта 1843 года Густав Федорович проводил химические испытания серно-щелочного Еловского минерального источника в районе Турьинских рудников.

Жена – Елена Яковлевна (около 1792/96 – 26 декабря 1856 года, Богословский завод).

Дети: Дмитрий (1813/14 – 1824) – учился в Казанской гимназии (1823), Павел (28 мая 1822 – 1873), Николай (1823 – 26 марта 1866 года), Елизавета (1826 – 28 июля 1859 года) – в браке (заключен 25 апреля 1856 года) с подполковником Корпуса горных инженеров Богословских заводов Петром Александровичем СИВКОВЫМ.

Сын Павел (1822–1873) пошел по стопам отца, став в 1855 году провизором аптеки Богословских заводов. В 1870 году он получил известность, как один из учредителей Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ).

Аптекарь Густав Федорович ГЕЛЬМ определил неизвестные камни как "худоватые зеленоватые аквамарины", но все же заплатил за них некоторую довольно сносную сумму, поставив крестьянам условие и в дальнейшем приносить ему свои находки.

НАША СПРАВКА ЦВЕТА МОРСКОЙ ВОЛНЫ

Аквамарин относится к разновидности берилла зеленовато-голубого оттенка, цвета морской волны. В буквальном переводе слово аквамарин (от лат. "аква" – вода и "маре" – море) означает – "цвета морской воды".

Окрашены аквамарины обычно равномерно. Однако в некоторых кристаллах окраска распределяется зонально. Так академик А.Е. ФЕРСМАН описал аквамарины с желтоватым ядром и голубоватой периферией.

Встречаются кристаллы, окрашенные в три оттенка. Например, ядро – голубого цвета, средняя зона – желтовато-зеленого, а периферия – светло-зеленого (по всей видимости, именно к этой разновидности аптекарь Г.Ф. ГЕЛЬМ причислил найденные смолокурами бледно-зеленые кристаллы).

Имеются и так называемые "аквамарины-максис", имеющие окраску синего цвета. Однако она весьма неустойчива, и под воздействием дневного света становится желтой или рыжеватой-коричневой.

Твердость камня составляет: 7,5 – 8 единиц.

Аквамарины могут быть самых разных размеров, в том числе и очень крупными от нескольких сантиметров (килограммов) до нескольких десятков сантиметров (килограммов). Кристаллы аквамарина бывают, как правило, удлиненно-призматическими, а их огранка смешанной.

СКАЗЫ ИЗУМРУДНОГО КРАЯ "КОНСКАЯ ГОЛОВА"

События 1830-1831 годов передавались и в устном народном творчестве. Так советский писатель И.И. ЛИКСТАНОВ, готовя к публикации свою приключенческую повесть "Зелен камень", привел в ее тексте легенду о М.С. КОЖЕВНИКОВЕ, записанную ровно сто лет спустя, в 1931 году, в деревне Боярке Белоярского района со слов О.А. КРЮКОВА:

"Тут Максимушка КОЖЕВНИКОВ в Белоярке проживал. Был он небогатый мужик, смолу гнал. Казны Максимушка не нажил, а ребят нажил полну избу. Он на то не жалобился, удачи не искал, да удача ему сама далась. Только Максимушка больно прост оказался, по простоте своей не исхитрился.

Колись поехал Максимушка на лошади в тайгу за смольем. Зимой, сказывают, то было. Глядит, на выворотке сосновом, на сохлом коренье камешки висят зеленые, светлые такие. И много их. Думай так, что по лесу зелень зимой процветает, солнышку радуется. Дивно стало Максимушке на такую красоту. Обобрал он камешки, сколь их было, поклат в гончаринку из под каши, дома ребятишкам на забаву отдал. Он прост душой был, не понял божьей милости подмоги.

В то время случись пурга, а барин какой ни есть из сибирской стороны в Катеринбург ехал. Он в кошевке пообмерз и просится к Максимушке на постоялое.

Максимушка говорит: «Изба то из нашей сосны рублена, нашей березкой топлена, нашим хлебушком сыта. Ночуй в тепле».

Утром барин глаза продрал, а уж солнышко в окошечко глядит, и на оконнице что-ничто зелено-зеленеет. Посмотрел барин камешки, говорит:

– Где такое добыл?

– А это не добытое, не рытое, это я на сосновом коренье собрал милым деткам на забаву, да уж наигрались баловни, вишь раскидали.

Барин и говорит: – Продай камешки, сколь их есть, повезу своим ребятам. Пускай и они позабавятся.

А Максимушка смеется: – Почто неробленное продавать! Бери в подарунок милым твоим деткам на забаву, а коли что – я еще добуду....

А у барина и ребят-то не было, обманывал он.

Уехал барин, только вскори опять тут, а с ним уж начальство наехало из Катеринбурга. Велят Максимушке: «Кажи место, где зелен камень взял!».

Понял Максимушка, что прост оказался, однако повел их в тайгу; долго водил, а место не показал: запоматовал, мол.

Вечеру продрали Максимушку батошьем по голью, исть не подали, а утром опять: «Веди нас, – кажи место».

Так три дня Максимушку мучили, а на четвертый не стерпел он, показал, где зелен камень поднял.

С того места все шахты пошли. Баре наживались, а народу приказали от себя вольно камень не искать; на шахты народ сгоняли, каторжну работу уставили. Народ того не хотел, в хиту уходил: хитил у бар с отвалов руду непромытую, мыл ее по рекам в темну ночь, добывал на свою разживу Максимушкин камень, богом даренный. Ну и Максимушка еще долго жил. Его вольная хита уважала. Разве кто не по злобе скажет: «Зря ты, отец милый, барам камешек показал». Он это понимал, в ноги кланялся, винился.

Пришло Максимушке помирать. Он богу то и пожалобись:

«Подал ты мне камень в великую милость, а не научил простоту мою. Я камень не сберег, перед народом провиноватился. Как мне помирать без исправки?».

Тут и открылось Максимушке в тайной копушке великое гнездо камня. Он тот забойчик кошмой (войлочный ковер – Д.К.) заклал, сверху отметинку – конску голову – положил, а на кошмовой забойчик слово сказал никому не открываться, покуль баре наверху. А как не станет бар, должен забойчик народу вскори открыться. А Максимушка ушел в Верхотурский монастырь, там и помер, сказывают...".

*(И.И. ЛИКСТАНОВ "Зелен камень",
1949 год, Москва-Ленинград,
часть 1, глава 4, параграф 3)*

ЛЕГЕНДАРНЫЙ КАМЕНЬ

"КОНСКАЯ ГОЛОВА"

ЛЕВЫЙ БЕРЕГ РЕЧКИ ТОКОВОЙ
(СОВРЕМЕННЫЙ ВИД)

ОТ АВТОРА О "КОНСКОЙ ГОЛОВЕ"

Приведенный выше текст является не более, чем легендой (далее в книге народные предания будут представлены рубрикой "Сказы Изумрудного края"), сам же рассказ жителя деревни Боярки Белоярского района О.А. КРЮКОВА является целиком вымышленным, начиная от обстоятельств находки изумрудов и завершая смертью нашедшего их белоярского крестьянина-смолокура Максима КОЖЕВНИКОВА, якобы приключившейся в Верхотурском монастыре. Это недвусмысленно подтверждается дальнейшим текстом книги Иосифа Исааковича ЛИКСТАНОВА "Зелен камень":

" – Хороший сказ... – Содержательный, хотя и неверный... По этому сказу можно проследить, как создаются мифы, сказки"...

Место первоначальной находки изумрудов расположено на полверсты южнее камня "Конская голова", в северной части нынешнего Сретенского (Свердловского) карьера. Тем не менее, до сих пор еще есть жители Изумрудного края, всерьез считающие, что смарагды нашли именно рядом с этим камнем, представляющем собой выход горных пород на поверхность.

Хотя, справедливости ради, нужно отметить, что вблизи камня "Конская голова" действительно когда-то существовала так называемая яма № 16 Токовского изумрудного прииска...

Несмотря на то, что камень "Конская голова" является довольно заметным объектом, в исторических источниках встречается чуть ли не единственное упоминание о нем:

"На левом берегу речки Токовой встречен остров гранита, обнаженный к северу в виде плоского холма. Гранит состоит из кварца белого цвета, желтого полевого шпата и слюды бледно-зеленоватого цвета. Кварц темного цвета составляет в массе гранита зерна и прорости. В граните этом заметны весьма мелкие кристаллы венисы".*

(П.И. МИКЛАШЕВСКИЙ

*"Описание уральских изумрудных копей и их окрестностей",
"Горный журнал", 1862 год, книга 7, стр. 54)*

* Словарь Владимира Ивановича ДАЛЯ трактует слово "вениса" и его производные следующим образом:

"Вениса – ископаемое из числа честных камней, полупрозрачное, самого темного красного цвета; гранат.

Венисовый, сделанный из венисы, гранатовый; к ней относящийся, гранатный.

Венисатик – камень, состоящий весь из плохой, негодной в дело венисы; вениса сплошная, матерая".

Часть первая КОКОВИНСКОЕ ПЯТИЛЕТИЕ (1831–1835 годы)

Глава первая УРАЛЬСКИЕ ИЗУМРУДЫ (1831 год)

1831 год ЯНВАРЬ ДОКЛАД НАДСМОТРОЩИКА

Неизвестно сколько еще времени пролежали зеленые камушки в витрине горнозаводской аптеки, если бы не очередной случай...

21 января 1831 года (здесь и далее даты по старому стилю) в аптеку уральских горных заводов наведалься один из надсмотрщиков Екатеринбургской гранильной фабрики. То ли своя надобность привела его туда, то ли служебная необходимость, сказать трудно. Но внимание должностного лица привлекли странные бледно-зеленые кристаллы, выставленные для продажи. Надсмотрщик посчитал нужным доложить о необычных камнях начальству — командиру Екатеринбургской гранильной фабрики и Горнощитского мраморного завода Я.В. КОКОВИНУ.

Тот поначалу не придавал значения важному сообщению, но спустя пару дней вспомнил о докладе надсмотрщика и приказал доставить ему образец “худоватых зеленоватых аквамарин”...

НАША СПРАВКА “ГЕНИЙ КАМНЯ”

КОКОВИН Яков Васильевич (1784–1840) – командир Екатеринбургской гранильной фабрики и Горнощитского мраморного завода.

Родился в семье потомственного камнереза Василия Астафьевича КОКОВИНА. Его отец Василий и дед Астафий занимались камнем, а потому еще мальчишкой Яша был представлен к гранильному делу и вникал во все тонкости производства.

В 1797 году, в возрасте тринадцати лет, он помогает отцу в изобретении станка для художественной обработки камня, который позволил упростить тяжелый труд и в шестнадцать раз ускорить работу.

Президент Императорской Академии Художеств, граф Александр Сергеевич СТРОГАНОВ (1733–1811), как главный начальник экспедиции по самоцветам, посетив Екатеринбургскую гранильную фабрику, сразу обратил внимание на способного паренька. А потому в 1799 году Яков, в числе восьми соискателей, поступил в воспитательный класс при Императорской Академии Художеств.

К октябрю 1800 года таланты юноши стали столь явными, что А.С. СТРОГАНОВ перевел его в ученики и назначил стипендию в 150 рублей в год от Экспедиции мраморной ломки.

Учился Яков прилежно, с усердием осваивая программу сразу двух классов – медальерного и скульптурного.

В сентябре 1804 года Яков Васильевич КОКОВИН был удостоен на конкурсе Второй серебряной медали «за лепление с натуры».

В 1805 году он получает Первую серебряную медаль. В мае того же года по ходатайству графа А.С. СТРОГАНОВА Якова и еще двух учеников академии освобождают «из их нынешнего состояния», то есть дают вольную.

В 1806 году на выпускном экзамене Яков Васильевич КОКОВИН получил Вторую золотую медаль. Награда была присуждена за работу с длинным названием – «Пришествие в Киев к великому князю Владимиру Мономаху греческих послов с богатыми дарами, состоящими в скипетре и прочих драгоценностях, также с просьбами о мире».

По окончании академии, 1 сентября 1806 года, он «удостоен первой степени аттестатом и жалованием шпаги по привилегии Академии, чином XIV класса... В числе избранных четырех человек назначен был к усовершенствованию художественных назначений в чужие края на три года, но по случаю политических государственных действий (1806 год) отсылка сия была отложена» – помешали наполеоновские войны.

С осени 1806 по первую половину 1807 годов Я.В. КОКОВИН работает на бронзовой фабрике, принадлежащей академии художеств. А.С. СТРОГАНОВ занял его «резными скульптурными работами, из коих в продолжении одиннадцати месяцев довольно поступило и в Государственный Эрмитаж».

В августе 1807 года КОКОВИН возвращается в Екатеринбург «для свидания с родственниками, а как он приготовился при Академии художеств для скульптуры высеканием мрамора и орнаментов всякого рода, то и поручено ему в то же время осмотреть производящиеся мраморные и делаемые из крепких камней резные вазы и чаши, так ли обрабатываются оные, как требует того самое художество...», а также «осмотреть производящиеся на гранильной фабрике орнаментные и гладкие вещи, дать им надлежащее направление и преподать правила рисования и лепления из воска и глины и высекания из мрамора способным к таковому занятию мастеровым». Поэтому в конце 1807 года он создает при Екатеринбургской фабрике свою школу.

Так уж получилось, что рассчитанный всего на полгода визит на родину затянулся. Вернуться в Академию художеств и, тем более, совершить заграничную поездку для совершенствования художественного мастерства так и не удалось. Сначала Якова задержала в Екатеринбурге болезнь отца, затем смерть покровителя – графа СТРОГАНОВА. А потом началась Отечественная война 1812 года.

В 1814 году Я.В. КОКОВИН «определен в звание мастера при Горнощитском заводе с предоставлением под особое его руководство к производству мраморных вещей».

В этой должности он был особенно самобытен и оригинален в своем творчестве. Мастер режет овечьими легендами несравненной красоты вазы и чаши из уральского камня. Их дарили первым лицам российского государства. А ваза из яшмы (1816 год) удостоилась чести быть выставленной в Императорском Эрмитаже.

Все это тогда называлось «значительными работами». И неудивительно, что императору Александру I работы КОКОВИНА так понравились, что Якова Васильевича награждают орденом Святой Анны III степени. А тогда это означало, что камнерез получает потомственное дворянство. С этого момента он официально признан самым искусным художником камня на Горнощитском мраморном заводе.

18 декабря 1818 года умирает отец и Якова Васильевича «по известной опытности в искуснейшей обработке каменных, резных и прочих вещей» переводят в Екатеринбург на его место, на должность главного мастера гранильной фабрики.

Оценка его работы в этой должности дана в одном из отчетов министра императорского двора: «Производство вещей из камня на Екатеринбургской гранильной фабрике усилиями КОКОВИНА доведено до видимой степени совершенства»...

В 1818 году Яков Васильевич КОКОВИН задумал сделать гигантскую чашу из самой твердой калканской яшмы.

Идею мастер вынашивает в течение долгих четырех лет.

В 1822 году эскиз был закончен. Его одобрил сам император Александр I Благословенный, посетивший Екатеринбург в сентябре 1824 года. Царь был в восторге от здешней гранильной фабрики. Вернувшись в Санкт-Петербург, он сказал вице-президенту своего Кабинета, в ведении которого находилась гранильная фабрика: «Там в Екатеринбурге мастер фабрики – гений, и я им совершенно доволен».

После визита царя начались поиски. Летом 1825 года Яков Васильевич ездит по Южному Уралу в поисках подходящей для чаши яшмовой скалы. И, наконец, находит камень нужного цвета, без трещин и других изъянов.

Два года уходит на то, чтобы отделить монолит от породы и доставить его в Екатеринбург. Работы над чашей начнутся еще через год...

Между тем, с 1826 года КОКОВИН фактически «исправляет обязанности» командира Екатеринбургской гранильной фабрики. А после смерти своего полного тезки Якова (Якоба) Васильевича МОРЫ (1787–1827) – предыдущего командира фабрики – становится полноправным руководителем предприятия. Причем он фактически совмещает сразу три должности: главного мастера, ведущего художника и, собственно, командира. В его обязанности входит не только изготовление художественных произведений из камня, но и организация работ по прииску цветных камней.

Я.В. КОКОВИН усиленно трудится, принимает всю добычу из рудников, сам изучает и классифицирует найденные камни, распределяет работы между мастерами-огранщиками, получает готовые изделия, рассматривает, где закладывать шурфы...

Свои обязанности Яков Васильевич выполняет с неизменным успехом. Он находит на Урале месторождения яшмы и родонита.

Кроме того, Яков КОКОВИН продолжает изобретательскую работу отца и создает станки, на которых можно «обрабатывать на огромных всякой тяжести крепких пород камнях самые мелкие и тонкие порезки всякого рода, чего ни у египтян, ни у греков, ни у римлян и вообще как в древних, так и в новейших просвещенных государствах никогда сделано не было».

Станки Якова КОКОВИНА установили не только на Екатеринбургской, но и на Петергофской и Колыванской фабриках.

В 1827 году, как отличного знатока камня, Я.В. КОКОВИНА посылали в Финляндию на остров Гохланд для «осмотра и разведки цветных камней», о чем он сделал доклад в стольном Санкт-Петербурге.

В том же году началась первичная обработка, доставленного в уездный Екатеринбург яшмового монолита. И неудача – по краю камня прошла тонкая трещина. Задуманная ваза уже не вписывалась. Пришлось менять эскиз и вступить в длительную переписку с Петербургом по его утверждению.

В 1830 году Яков Васильевич находит на Урале первое в России месторождение особого наждака – главного орудия камнерезной и металлообрабатывающей промышленности. До этого его ввозили из-за границы. Благодаря этому открытию Я.В. КОКОВИНА наша страна получила свой собственный наждак, который был значительно лучше английского и германского. Коковинский наждак превосходил «силой и действием иностранный и мог заменить даже алмазный порошок».

Наждак пригодился и для обработки уже известной нам яшмовой глыбы. В начале каменный монолит обсекли стальными зубилами, потом обрабатывали разрезными машинками с ребровыми медными кругами, обтачивали на «обширном стане», а потом наступила очередь шкивов-качалок.

В тончайшие рельефные украшения Яков Васильевич собирался вложить все свое искусство художника-камнереза. Ажурные рельефы на твердом цветном камне – дело чрезвычайно трудное. Еще никто и никогда не наносил их на такое большое изделие из яшмы. Но для того он и изобрел новую так называемую «надносную машину», которая сможет покрыть тело вазы волшебным орнаментом. Годы ушли на то, чтобы только приблизиться к желаемой форме. В итоге вазу доделал ученик мастера Гаврила Фирсович НАЛИМОВ...

И все же самым главным событием в жизни Якова Васильевича КОКОВИНА стало открытие в январе 1831 года уральских изумрудов. За это его награждают орденом Святого Владимира IV степени.

Работы 1833 года – ваза из яшмы и торшер из орлеца – в Императорском Эрмитаже. К концу 1835 года успели произвести первичную обработку яшмового монолита для гигантской чаши: обрезку камня и грубую обточку...

Порой казалось, что фарт будет постоянным. У Я.В. КОКОВИНА прочное положение в Екатеринбурге и в столице – мастера ценят в Кабинете Его Императорского Величества, которому подчинена гранильная фабрика. Благополучие в семье, детей у них с женой, правда, нет, но растят девочку – сироту-родственницу. Наконец-то он начал строить дом – каменный, красивый – по проекту своего хорошего друга, талантливого архитектора М.П. МАЛАХОВА. Оклад командира фабрики не велик, но после открытия изумрудов Кабинет Его Императорского Величества выдал для постройки дома ссуду, разрешил использовать казенный кирпич, деньги за который можно будет заплатить через несколько лет. Все в порядке и в творчестве.

Однако самое важное открытие в жизни Якова КОКОВИНА, находка уральского изумруда, не только послужило его стремительному возвышению, но и стало причиной весьма болезненного падения.

В декабре 1835 года Яков КОКОВИН попал в опалу, был отстранен от должности и заключен в тюрьму, позднее предан суду, лишен чина, наград и дворянского звания.

В конце 1837 года его больного, дряхлого, и морально раздавленного, выпускают из тюремных застенков. Он пытался добиться пересмотра дела, писал прошения в Петербург АДЕЛЬБЕРГУ (управляющий Кабинетом Его Императорского Величества) и ВОЛКОНСКОМУ (министр Императорского двора). Последнее обращение Я.В. КОКОВИНА к Императору Всероссийскому датировано началом декабря 1839 года. Бесплезно!..

Умер Яков Васильевич КОКОВИН в 1840 году в городе Екатеринбурге.

БЕЗВЕСТНЫЙ КАМЕНЬ СТАЛ ИЗВЕСТНЫМ

Итак, 23 января 1831 года Яков Васильевич КОКОВИН получает от надсмотрщика один из загадочных кристаллов, обследует его цвет, твердость, удельный вес, и определяет, что "худоватые зеленоватые аквамарины", есть ничто иное как... изумруды!

НАША СПРАВКА

НЕСРАВНЕННЫЙ ИЗУМРУД

Упоминания об изумруде встречаются еще в древнеиндийском эпосе "Махабхарата" (где он назван: "маракта", "маракт", "таркшиа"). Персидское название "заморрод" со временем превратилось в греческое – "смарагдос", латинское – "смарагдус". Звучания "эмеральд" (ранее – "эсмеральд"), "смарагд", "изумруд" появились в средние века.

Название "изумруд" относится к травянисто-зеленой разновидности берилла.

Изумруд является одним из наиболее дорогих драгоценных камней. Считается, что он приносит счастье только чистому, но простому, и даже безграмотному человеку. А вот людям образованным особой радости не подарит. Этот камень не выносит неискренности. Лжецам он приносит не только несчастья, но и болезни. Оправленный в золото, этот камень бережет от всякой заразы и бессонницы. Если вы подарите кому-нибудь изумруд, на языке камней этот дар будет означать пожелание успеха, символизировать чистоту и верность.

Изумруд известен с незапамятных времен. В древности его добывали в Индии и Египте. В начале так называемого "нового времени" прославились Южно-Американские (Колумбийские) изумрудные копи.

Подтверждения тому, что и Седой Урал может скрывать в своих недрах изумруды имелись уже в античные времена. Ведь отдельные кристаллы "зелена камня" на Урале находили и раньше. Еще Плиний Секунд (I век н.э.) в своей знаменитой "Естественной истории" упоминал о скифских смарагдах, которые он называл "лучшими".

К 1600 году относят находку изумруда в десять каратов иноком Мефодием. Николай КАРАМЗИН в своей "Истории государства Российского" приводит летописный факт: мол, некий инок Мефодий преподнес Борису ГОДУНОВУ вывезенный им откуда-то с Камня (то есть с Урала) большой смарагд чистого зеленого цвета. Царь Борис повелел огранить тот камень; за работу взялся венецианский шлифовщик и ювелир Франциск АСЦЕНТИН. В том же 1600 году заказ был выполнен: мастер отшлифовал кристалл и вырезал на нем Распятие Христово. Довольный царь наградил ювелира собольей шубой, горлатной шапкой и сотней червонцев.

В 1669 году царев рудознатец Дмитрий ТУМАШОВ пишет в челобитной верхотурскому воеводе о том, что, охотясь на гусей в междуречье Невьи и Режа, близ Мурзинской слободы, обнаружил в зобах убитых им птиц несколько самоцветов: "два изумруды камня, да три камня с лаловыми искрами, да три камня тумпасы". Редкостные находки так его обрадовали, что он сразу махнул в столицу на доклад к государю, никому не доверив везти ошеломляющую новость. Но после этого он, сколь ни пытался, не смог найти самоцветную залежь. Так и остался в недоумении: то ли здешний, уральский камень склевала птица, то ли принесла его в своем зобу с каких-нибудь африканских берегов.

И после случались находки отдельных кристаллов. Изредка их обломки попадались, например, в россыпи галек неприметной уральской речушки Вагран Верхотурского уезда, о чем сообщает минералог В. СЕВЕРГИН в своих книгах "Царство ископаемых" (издана в 1791 году) и "Подробный словарь минералогический" (издана в 1807 году). И далеко не случайно академик В. СЕВЕРГИН, указывая на месторождения изумруда в Египте и Перу, добавляет, что этот камень "находится также... в Даурии и Уральских горах".

Тем не менее, открытие русских изумрудов состоялось на Урале в 1830-1831 годах...

В 1831-1835 годах статистика добычи драгоценных камней не велась. Поэтому никаких официальных сведений о ней нет.

Однако, по подсчетам П.И. МИКЛАШЕВСКОГО с 1831 по 1862 годы на уральских приисках добыт 141 пуд 33 фунта 93 1/2 золотника (2323 килограмма 495 граммов) изумруда, из которых получено 20248 карат ограненных камней (4 килограмма 050 граммов) и искр ("искра" – это если камень меньше карата).

По оценке А.Е. ФЕРСМАНА с 1831 по 1922 годы на Уральских копях было добыто порядка 20 тонн изумрудов.

По мнению Ф.Ф. ЗОЛОТУХИНА с 1831 по 1986 годы здесь добыто пятьдесят тонн изумрудов (из них 2378000 карат пришлись на камни ювелирного качества, а это 475,6 кг). Общая стоимость найденного составила 520 миллионов рублей (в оптовых ценах 1982 года). Причем доля Мариинского месторождения в период с 1923 по 1986 годы составляла: по граненым изумрудам – 78%, кабошонам – 64,2%, "зелени" – 51,2%.

С 1987 по 1992 годы на коях было официально добыто 3996 килограммов изумрудов. Итого с 1831 по 1992 годы – порядка 54 тонн изумрудов.

Все цифры приводятся без учета многочисленных хищений...

Цвет изумруда обычно обусловлен незначительной примесью хрома. Он столь характерен и своеобразен, что опытный глаз без труда отличает его от других зеленых камней. Изумруд в отличие от них сохраняет окраску при искусственном освещении. Интенсивность окраски изумрудов различная. В ювелирном деле используются изумруды от слабого зеленого до густого сочного изумрудного цвета. Большинство изумрудов ювелирного качества имеет сравнительно небольшие размеры. Встречаются также большие кристаллы и сростки до нескольких килограммов.

Изумруды обычно подвергают ступенчатой огранке, за исключением камней, предназначенных для колец; в этом случае огранка их часто бывает бриллиантовой. Индийские мастера предпочитают форму кабошона. Вообще говоря, жестких правил на этот счет не существует и форма огранки зависит от цели, для которой предназначен камень.

Ограненные камни хорошей окраски и без дефектов весом более 5–6 карат ценятся особенно высоко и недоступны для большинства, за исключением тех немногих привилегированных особ, которые располагают достаточными средствами. На международном рынке цена ограненного изумруда составляет от 250 до 5000 долларов за карат...

В КРАЮ БОЛОТ. ПЕРВЫЕ ШУРФЫ

Сделав потрясающее открытие, Яков КОКОВИН в тот же день (23 января 1831 года) приказал начать геологическую разведку, а для этого распорядился без промедления найти и доставить белоярского крестьянина, совершившего удивительную находку.

Узнав о месте обнаружения изумрудов, Я.В. КОКОВИН не мог не вспомнить, что еще совсем недавно, в 1828 году, старателем СТАРЦЕВЫМ в Нижнем Алабаше (несколько десятков верст северо-западнее от места работ смолокуров, но по той же самоцветной полосе) добыт кристалл берилла, "какового нигде и никогда не было, да и едва ли можно надеяться, что когда-либо подобный мог найтись", весом в 2507 граммов. Оцененный в 150 тысяч рублей, этот кристалл был передан в музей Горного института. А ведь такая находка является дополнительным признаком, указывающим на очень вероятное наличие изумрудов!

Взяв крестьянина с собой, Яков Васильевич КОКОВИН, в сопровождении девяти работников Екатеринбургской гранильной фабрики и Горнощитского мраморного завода, снабженных всеми необходимыми инструментами, выехал на речку Токовую.

Преодолев 50 верст по Сибирскому тракту, да еще и 35 верст по бездорожью, сквозь глухую заснеженную тайгу, команда из одиннадцати человек достигла цели своего путешествия.

27 января 1831 года крестьянин указал то самое место, где лежало вывороченное дерево, в корнях которого он и нашел изумруды. Не теряя времени рабочие очистили площадку от снега и валежника, развели костры, дабы хорошенько прогреть мерзлую землю. После чего начали бить шурфы. Вскоре им повезло: несколько в стороне от "места найдения" рабочие наткнулись на богатейшую изумрудную жилу.

Яков КОКОВИН справедливо посчитал, что в этом месте вполне может быть весьма крупное месторождение драгоценного камня, а потому в тот же день, 27 января 1831 года, он, оставив подробные инструкции по продолжению работ, спешно уезжает в уездный Екатеринбург, к себе, на гранильную фабрику. Командиру хотелось как можно быстрее доложить обо всем начальству...

РУКОВОДИТЕЛИ ЗИМНИХ РАБОТ

Руководство январскими 1831 года работами осуществлял десятник, унтер-шихтмейстер Фирс НАЛИМОВ. Но, к сожалению, в том же месяце он умер – прямо на прииске... В должности его сменил помощник – унтер-шихтмейстер Марк ПОРТНЯГИН.

ОБ ОТКРЫТИИ – В СТОЛИЦУ

Ну а что же делал Яков КОКОВИН, возвратившись в уездный Екатеринбург? Он немедленно отдал в огранку один из кристаллов.

31 января 1831 года свежееграненный кристалл вместе с сопроводительным письмом были им спешно отосланы в столицу, вице-президенту Кабинета Его Императорского Величества, генерал-лейтенанту Николаю Ивановичу СЕЛЯВИНУ.

В сопроводительном письме, направленном генералу, Яков Васильевич писал:

«Ваше Превосходительство, Милостивый Государь!

Честию и долгом настаиваю донести, что в 85 верстах от Екатеринбурга случайно найдено крестьянином Белоярской волости в корнях вывороченного ветром дерева ископаемое, которое по приятному цвету тем крестьянином и двумя товарищами несколько дней преследовалось, о чем вскоре дошло до сведения моего; я немедленно осмотрел место прииска и для отыскания жилы сделал надлежащие разведки.

Жила найдена, но совершенно новая в сопровождении пород в коих до сего добывались тяжеловесы, бериллы, аматисты, малиновые шерлы и другие камни. Найденные при разведке несколько кристаллов, хотя и не совершенно правильные, но можно отнести сие ископаемое к бериллам, а по цвету и красоте к изумруду.

Из добытых мною кусочков почище продчих и огранен один камышок, который при сем смею представить благоусмотрению Вашего Превосходительства, и имею честь донести, что для большей разработки и добычи сего нового ископаемого отправлена мною партия, из девяти человек мастеровых и подмастерьев состоящая, а в случае надобности приказано нанимать вольно рабочих людей за поденные платы.

После предварительного сего донесения Вашему Превосходительству, по надлежащем испытании в благонадежности, я не премину с требуемого подробности о успехах донести Кабинету Его Императорского Величества.

Поручая себя Милостивому благорасположению Вашего Превосходительства с глубочайшим почитанием и Совершенною преданностью навсегда щастием поставляю быть и называться Вашим, Ваше Превосходительство, Милостивый Государь, покорнейшим слугою.

Яков КОКОВИН,

Генваря 31 дня 1831 года, Екатеринбург»

ПОЕЗДКА НА КОПИ ГРАНИЛЬНИ УПРАВИТЕЛЬ

"... Да проведал об этих камнях управитель гранильной фабрики, что в городе жил; доставили их к нему, а он-то вертел и смотрел их, точить давал, да и признал, что этот камень дорого стоит.

А земля эта казенная, да в ту пору по закону никто в ней не мог добывать самоцветный камень, окромя что казна. Управитель послал за Максимкой, да вместе с ним и рабочими поехали на Токовую смотреть место, где найдены камень.

Вырыли тут ямины, шурфы на пробу, встретился им сланец, что со слюдой; стали его пробивать, а в нем струганцы и сидят. Камни нашли знатные. Управитель их забрал, да в Питер и отправил. С той поры работы и начались, пошли розыски цветных камней по всей даче, позалезли в трущобы, повырубали кой-где лес, ну, вестимо, зверя и разогнали, зверь лесной – не станет он на людях-то жить...".

*(М.В. МАЛАХОВ, "На Урале. Поездка на Изумрудные копи"
"Еженедельное обозрение", г. Санкт-Петербург, 1884 год)*

ФЕВРАЛЬ ПЕРВЫЙ ИЗУМРУДНЫЙ ПРИИСК

Отправив депешу в столицу, командир Екатеринбургской гранильной фабрики Яков Васильевич КОКОВИН спешно возвращается на недавно открытое месторождение изумрудов.

Прибыв на место 2 февраля 1831 года, он закладывает первый изумрудный прииск, получивший название Сретенского. Выбор такого названия для прииска предельно ясен – его основание совпало с православным праздником Сретенье Господне.

СМАРАГДОВЫЙ ФУРОР В СТОЛЬНОМ САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Но вернемся к докладу Якова Васильевича КОКОВИНА. Кристалл и сопроводительное письмо, полученные Кабинетом Его Императорского Величества по прошествии чуть более трех недель после отправки, 23 февраля 1831 года, вызвали большой интерес.

В тот же день на сопроводительном письме Якова КОКОВИНА была начертана резолюция: «Дать ювелирам рассмотреть и оценить сей камень, и представить оной Господину Министру при докладной записке, оставить с сию бумагою».

Столичные ювелиры подтвердили: да, это изумруд, первый русский, причем, довольно высокого качества.

26 февраля 1831 года вице-учредитель Капитула императорских российских орденов генерал-лейтенант Николай Иванович СЕЛЯВИН заготовил проект указа о награждении Якова Васильевича КОКОВИНА за находку отечественного изумруда.

28 февраля 1831 года министр императорского двора князь Петр Михайлович ВОЛКОНСКИЙ подал монарху докладную записку об открытии в России нового драгоценного камня, в начале которой сослался на добытый в 1828 году северо-западнее изумрудных копей, огромный берилл:

«Величина и прозрачность сибирского берилла (Урал в то время относили к Сибири – Д.К.) служат надежным удостоверением, что сибирские изумруды, найденные ныне в близком расстоянии от местонахождения берилла, по красоте своей и ценности займут не последнее место между камнями сего рода, находимыми в других частях света...

После прошлогоднего открытия графом ПОЛЬЕ алмазов, нынешнее открытие в Уральских горах настоящих изумрудов есть событие весьма достопримечательное – сколько в отношении к науке и, следовательно, к отечественной славе, столько и потому, что сии драгоценные камни представляют новый источник государственного богатства».

Не остался Яков Васильевич КОКОВИН и без заслуженной награды. В тот же день, 28 февраля 1831 года, указ Коллегии императорских российских орденов о награждении Якова Васильевича КОКОВИНА за находку отечественных изумрудов орденом Святого Владимира IV степени был утвержден императором Николаем I.

МАРТ

НАГРАДЫ ДЛЯ ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЕЙ РОССИЙСКОГО ИЗУМРУДА

1 марта 1831 года министр императорского двора князь Петр Михайлович ВОЛКОНСКИЙ получил из Капитула императорских российских орденов знаки различия Святого Владимира IV степени и грамоту для Якова Васильевича КОКОВИНА.

Кроме того, безымянному крестьянину, фигурирующему в рапорте командира от 31 января 1831 года, пожаловано 200 рублей.

3 марта 1831 года вице-учредитель Коллегии российских орденов, вице-президент Кабинета Его Императорского Величества, генерал-лейтенант Николай Иванович СЕЛЯВИН отправил в уездный Екатеринбург документ следующего содержания:

"от КАБИНЕТ
ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА
Отделение 5
Стол 3
В С. Петербурге
3 марта 1831 года
№ 1287

Г о с п о д и н у
и с п р а в л я ю щ е м у
должность Командира
Е к а т е р и н б у р г с к о й
гранильной фабрики,
Горнощитского завода,
Обер-гиттенфервалтеру
КОКОВИНУ

С ПРЕПРОВОЖДЕНИЕМ ОРДЕНА СВЯТОГО ВЛАДИМИРА IV СТЕПЕНИ И ГРАМОТЫ

По донесению Вашего Высокоблагородия от 31 Генваря № 47 при котором представили ограненный камень, признанный кабинетскими оценщиками за изумруд, я входил с представлением к господину Министру Императорского Двора.

По докладу его Сиятельством Государю Императору, Его Императорское Величество Высочайше повелеть соизволил за открытие изумруда наградить Вас Орденом Святого Владимира IV степени.

Крестьянину же за найденную при выскирке дерева изумрудную породу, дать двести рублей.

Препровождая к Вашему Высокоблагородию у сего орденские знаки вместе с Грамотою, я надеюсь, что сия Высокомонаршая милость усугубит Ваше усердие к службе и поощрит Вас к дальнейшим приискам дорогих камней.

Пожалованные крестьянину Белоярской волости двести рублей в след за сим имеют быть ассигнованы через Государственное казначейство.

Вместе с сим рекомендую Вашему Высокоблагородию все добытые и необделанные изумруды прислать в Кабинет Его Императорского Величества для сделания надлежащего распоряжения в шлифовке оных здесь.

*Вице-президент, Генерал-лейтенант СЕЛЯВИН
Начальник отделения (подпись неразборчива)
Столоначальник (подпись неразборчива)*

ОРДЕН И ГРАМОТА ПОЛУЧЕНЫ

23 марта 1831 года знак ордена Святого Владимира IV степени и грамота для Я.В. КОКОВИНА, а также сопроводительное письмо Н.И. СЕЛЯВИНА были получены в городе Екатеринбурге.

ДЕЛО О ПЕРВОМ ХИЩЕНИИ

Как водится, открытие изумрудов неизбежно повлекло за собой их хищения, в которых на первых порах участвовали непосредственные добытчики самоцветов – мастеровые Императорской гранильной фабрики города Екатеринбурга.

Первый случай хищения изумрудов был раскрыт спустя всего два месяца после открытия месторождения (В.Б. СЕМЕНОВ, Н.И. ТИМОФЕЕВ “Изумрудные годы мира. Камень России”, 2005 год):

«26 марта 1831 года Яков КОКОВИН под грифом «Секретно» пишет ПОНОМАРЕВУ, что ему стало известно о том, что служащий фабрики С.Г. ЗАВАРЗИН продал граненые изумруды отставному мастерскому Петру ЗУБРИНСКОМУ, гранил же камни мастерской фабрики И.М. БРОНСКОЙ (ВРОНСКОЙ).

Я. КОКОВИН поручает ПОНОМАРЕВУ провести обыск. Обыск ничего не дал. Но выяснилось, что С.Г. ЗАВАРЗИН действительно продал Петру ЗУБРИНСКОМУ изумруды; ЗУБРИНСКИЙ попросил И.М. ВРОНСКОГО ограничить четырнадцать искр в «перстневые кольца, одна другой постепенно менее, начиная с большой величины примерно в конопляное зерно», сказав, что камни он купил у караванных нерчинских солдат (солдаты эти сопровождали следовавшие в Санкт-Петербург караваны с алтайским золотом, серебром, камнем, металлами). Тот сделал работу, получив за нее 2 рубля 20 копеек.

«Семен Григорьевич ЗАВАРЗИН, — читаем в протоколе, — от роду ему 42 года, грамоте не учен, под судом не бывал, дом, жену, детей имеет, мастерской Екатеринбургской гранильной фабрики, с 27 января (1831 года — Д.К.) при добыче изумруда безотлучно, кроме праздников, копщик по жиле и у отмета земли; когда он доходит до земли, где лежат камни, добычу им делает ПЛОХОВ; камней не употреблял и не покупал, кроме найденного на вымету, которые он продал за 60 копеек».

О С.Г. ЗАВАРЗИНЕ был допрошен С.П. ПЛОХОВ. О нем самом и его ответе читаем: «Семен Петрович ПЛОХОЙ, 44 года, грамоте не учен, под судом не бывал, дом, жену, детей имеет, Горнощитского мраморного завода подмастерье. С 27 января на добыче изумруда. За ЗАВАРЗИНЫМ хищения не замечал. На выметах изумруда не бывает и не знает, где взял камни ЗАВАРЗИН».

Об И.М. ВРОНСКОМ, незаконно огранившем изумруд, сказано: «Иван Митрофанов ВРОНСКОЙ, неграмотен, под судом был и наказан 60-ю палками, имеет дом, жену, детей, мастерской Екатеринбургской гранильной фабрики».

ПОТОК ДРАГОЦЕННОЙ ЗЕЛЕНИ

Несмотря на начавшиеся хищения, уже «в марте 1831 года Екатеринбургская гранильная фабрика отправила в Кабинет Его Императорского Величества (по неполным данным) — 129 ограненных изумрудов, 23 искры и, кроме того, ряд необработанных кристаллов».

(В.Б. СЕМЕНОВ, И.М. ШАКИНКО “Уральские самоцветы. Из истории камнерезного и гранильного дела на Урале”)

НА СВОЙ СТРАХ И РИСК

Как видим, распоряжение Кабинета об «особенном внимании» к разработке изумрудов Екатеринбургской гранильной фабрикой пусть с некоторым видоизменением, но все же было исполнено.

Видоизменение, принятое, по существу, на свой страх и риск Я.В. КОКОВИНЫМ, состояло в том, что драгоценное сырье, поступавшее с копей на Екатеринбургскую фабрику не только сортировалось, но и гранилось. Не подлежали огранке в городе Екатеринбурге лишь лучшие образцы. Они, как того и требовало кабинетское распоряжение, посылались в столицу в необработанном виде...

ПЕРВОЕ РУКОВОДСТВО КОПЕЙ

30 марта 1831 года унтер-шихтмейстер Марк ПОРТНЯГИН, который руководил февральскими работами на изумрудных коях, был назначен в Мурзинку, на должность смотрителя Верхотурских приисков.

Вместо ПОРТНЯГИНА на изумрудные копи был поставлен подмастерье ПЛОХОВ. Он и стал их первым смотрителем. Именно с именем Семена Петровича ПЛОХОВА будет связано начало постоянных работ на Уральских изумрудных приисках.

В помощь ПЛОХОВУ был дан ученик резного художества Петр Фирсович НАЛИМОВ.

НАША СПРАВКА

МРАМОРНЫХ ДЕЛ МАСТЕР

ПЛОХОВ (ПЛОХОЙ) Семен Петрович (1786 или 1787 года рождения).

Подмастерье, затем мастерской Горнощитского мраморного завода.

С апреля 1831 по август 1833 года – смотритель изумрудных приисков.

В конце 30-х годов XIX века был «учеником резного художества».

Затем работал на Горнощитском мраморном заводе, находясь «у дела мраморных каминов».

ИЗУМРУДНОЕ ДВОЕВЛАСТИЕ

В 1831 году горные работы на изумрудных приисках закладывались для нужд Кабинета Его Императорского Величества. Кроме того, изумруды непосредственно с гранильной фабрики мог истребовать (чем, собственно говоря, и не преминул воспользоваться) горный начальник Екатеринбургских заводов.

Таковым в то время был Глеб Григорьевич ВАНСОВИЧ...

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА

***Почти на двадцать верст
в пространстве,
и на двести лет
во времени,
протянулась
Изумрудная полоса Урала.
О людях, камнях
и событиях ее истории
вы можете узнать
из этой книги.***